

Шуберт А. Н.,
кандидат филологических наук,
Национальный педагогический университет имени М. П. Драгоманова
(Киев)

СПЕЦИФИКА ПЕРСОНАЖЕЙ В НОВЕЛЛИСТИКЕ С. Д. КРЖИЖАНОВСКОГО

С. Д. Кржижановский (1887–1950) относится к разряду ярких писателей-новаторов, незаслуженно забытых по идеологическим причинам и вновь открытым с 1980-х годов, когда утвердился эстетический подход к изучению литературы XX века. К осмыслению творческого наследия С. Д. Кржижановского обращается множество исследователей: В. Н. Топоров [16], М. Л. Гаспаров [3], Н. Ю. Буровцева [2], И. Б. Делекторская [5], Л. В. Подина [13], И. В. Моисеева [11], Е. Е. Бирюкова [1], А. В. Синицкая [14], В. В. Горошников [4], И. В. Лунина [8], Е. В. Ливская [7] и другие. Кроме того, наследие оригинального прозаика и литературоведа активно изучается в двух сформировавшихся центрах исследования творчества С. Д. Кржижановского: в Канаде (University of Toronto Academic Electronic Journal in Slavic Studies “Toronto Slavic Quarterly”, возглавляемый В. Перельмутером с 2003 г.) и Латвии (с 2001 года при Даугавпилсском университете, кафедре русской литературы под руководством проф. Ф.П. Федорова).

Однако в силу поливекторности авторских художественных стратегий, научные работы, посвященные изучению различных аспектов творчества С. Д. Кржижановского, носят разрозненный характер, а также ограничены небольшим спектром анализируемых произведений автора. Системное исследование поэтики целостного корпуса текстов С. Д. Кржижановского еще предстоит.

Исследование проблемы литературного героя в переходную эпоху рубежа XIX–XX веков стало уже традиционным. Вопрос о человеке и его идентификации, его положении в мире, его связях и отношениях является ключевым как для искусства в целом, так и в рамках творчества конкретных писателей. По мнению исследователя концепции личности в литературе постмодернизма А. Ю. Мережинской, интерес к проблеме человека повышается с рубежа XIX–XX веков, так и в течение XX-го века [9, 31]. А кардинальная смена представлений о человеке может служить критерием выделения и периодизации культурных эпох. Соответственно, сдвиг в концепции человека выполняет определяющую роль в переходное время.

Новеллистический корпус текстов С. Д. Кржижановского (около 100 новелл) представляет уникально разработанную систему персонажей, как жизнеподобного типа, так и персонажей с повышенным модусом условности. А поскольку к изучению данного аспекта поэтики С. Д. Кржижановского в контексте переходной эпохи ученые ранее не обращались, то цель настоящего исследования актуализирована. Для ее реализации рассмотрим художественные ситуации потери персонажем своей значимости, свободы и идентификации; замещение литературного человека его образом-спутником, атрибутом, а также проанализируем функционирование персонажей повышенной художественной условности.

Для персонажей жизнеподобного типа С. Д. Кржижановского характерно наличие образов-спутников, соотносимых с семантикой смерти: поэт и муха в новелле “Поэтому”, экс-поэт и злыдни в новелле “Квадрат Пегаса”, философ и паук в новелле “Спиноза и паук”, философ и гусеница в новелле “Якоби и “Якобы””, старик и червь в новелле “Старик и море”, инженер и лягушка – “Мост через Стикс”, образ человечества и сообщество червей и др. Интересно, что герои ориентируются на данные образы-спутники, осознают их преимущественное положение (например, Спиноза восхищается свойством паука быть свободным от мышления). Как видим, образы-спутники в основном являются представителями насекомых или существ низшей сферы (причем не самых привлекательных) или мифологическими персонификантами танатического иномирия. С одной стороны, образы-спутники выполняют функцию искусителей в жизни персонажей и нередко вытесняют последних с позиций самостоятельных героев. С другой стороны, преодолевая смертоносное влияние образов-спутников, герои обретают статус и самоидентификацию. Однако возможны и другие сюжетные решения (герои чаще ассимилируют, уподобляются насекомым, ведут соответствующий образ жизни и даже обретают внешнее сходство) благодаря тому, что С.Д. Кржижановский последовательно подбирает образы-спутники по принципу подобия с персонажем: его родом деятельности или интересами. Отмеченные аналогии, при безусловном авторском новаторстве, восходят к известному басенному приему. Тем самым С.Д. Кржижановский с помощью аллюзии актуализирует традиционное продуктивное соотношение людей и животных. Таким образом, автор на имплицитном уровне отражает процесс девальвации человеческой личности, сопрягая сферы бытия человека с низменными существами, соотносимыми со смертоносной сферой.

Заметим, что лейтмотив мертвенности – один из характерных в моделировании мира и человека в русской литературе начала XX века. Метатекст С. Д. Кржижановского являет как инвариант реализации данного лейтмотива, так и его вариации. Обилие смертей, преимущественные трагические развязки и общая эсхатологическая или постэсхатологическая направленность новеллистики С. Д. Кржижановского вписываются в литературный процесс XX-го века и демонстрируют модус переходности.

Автор подразумевает под мертвыми существами тех, кто пережил смерть в любой форме: забвение (самая страшная форма смерти для героев-писателей С. Д. Кржижановского, преданных забвению при жизни), абсолютное одиночество (одноименная новелла “Одиночество”), состояние “выключенности” (полный обрыв связей в реальном мире и невозможность адаптироваться к новой форме существования, как правило, в пространстве иномирия).

В новелле “Страна нетов” находим оригинальную художественную разработку С. Д. Кржижановским концепции смерти. Здесь одним из наиболее парадоксальных образов, сопряженных с семантикой смерти, является народ “нетов”. “Неты” существуют на одной из “захолустнейших планет” в своем “странном мирке”, “дикий Страна нетов <...> это кажущаяся им, нетам, плоской сфера” и живут

они кажущейся жизнью. Смысл существования “нетов” заключается в умении не знать. За подробными описаниями размышлений отдельных немногочисленных представителей несуществующего народа угадываются философы Кант, Спиноза, Декарт, Беркли, идеи, которых реминисцентно присутствуют в тексте, на что указывают и комментарии В. Перельмутера [12, 631–632]. Остальные “неты” “не только не существуют, но даже и не мыслят” [6, 268]. Философствующие “неты” научились познавать, но не научились жить. И редукция витального начала, по мысли автора, является их доминантной проблемой.

Изображенные в новеллах С. Д. Кржижановского разнообразные “живые” трупы, ожившие нерожденные трупики младенцев, персонификация фольклорного персонажа Смерти и ее многочисленных подчиненных: злыдней, нечистей, нежитей, а также поливариантная структура перехода героев из мира реального в множественные ирреальные пространства, и само авторское определение смерти (как “биологического минуса”, “процесса вычитания”) базируются на трансформации традиционных мифологических, фольклорных, литературных и научных представлений и формируют широкое вариативное поле осмысления образов смерти, включенных в жизнь персонажей новеллиста.

Очевидно, творчество С. Д. Кржижановского не является исключением в попытке соотнесения литературных героев с насекомыми, животными, растениями. Напомним, начиная с мифологии, фольклора, античной литературы (Овидий “Метаморфозы”, “Золотой осел” Апулея), немецкого романтизма (творчество Э. Т. А. Гофмана) и т.д. тема метаморфоз формируется в устойчивую литературную традицию. А в литературе XX-го века, названная тема актуализируется и получает новое осмысление в духе поэтики иррационального, сохраняя, древние архетипические истоки [10, 147–148]. Одним из примеров может служить тема оборотничества (“Степной волк” Г. Гессе).

Таким образом, С. Д. Кржижановский, основываясь на давней литературной традиции, переосмысливает ее и формирует модель вытеснения и замещения персонажа жизнеподобного типа существом низшего порядка (насекомым). Тем самым автор отражает процесс, сопряженный с крушением мира – примитивизация человека, парадигмальное “выпадение” его из естественного круга жизни и как исход – положение “затерянности” между множеством вдруг разомкнутых миров и лишение его (персонажа) элементарной способности к адаптации.

Знаменательно, что как в ранних, так и последующих сборниках новелл автор продолжает “сопровождать” своих героев (циклы новелл “Чем люди мертвы”, “Неукушенный локоть”) образами-спутниками, однако теперь не живыми существами, а неодушевленными предметами. С. Д. Кржижановский персонифицирует предметы: портфель (новелла “Чудак”), флакон (новелла “Квадратурин”), кресло (новелла “Комната радости”), брюки (новелла “Товарищ Брук”), книжную закладку в одноименной новелле, монеты (новелла “Тридцать сребреников”), бокал (новелла “Дымчатый Бокал”), шляпу (новелла “Серый фетр”) и многие др. Автор усложняет функцию, которую выполняют образы-спутники, от замещения – к деконструкции. Если насекомые вытесняли персонажей с центральных позиций на периферийные, то

персонифицированные вещи подчиняют себе героев и всецело овладевают их жизнью. Однако и здесь С. Д. Кржижановский формирует ситуацию выбора. Как правило, литературные герои очень дорожат теми вещами, которые впоследствии сломают им жизнь. Автор вновь представляет в вещах-спутниках искушение, с которым и предстоит герою справиться или погибнуть.

Новеллика С. Д. Кржижановского представляет нетрадиционный вариант жизнеподобного персонажа (человека). Попытаемся его кратко охарактеризовать. Речь идет о не целостном человеке, а о: “*2 2/3 человека*”, “*0,6 человека*” или “*3 1/2 работника*” и др. [6, 211; 6, 7]. В некоторых случаях автор повествует о калеках, например, потерявших ноги на войне (новелла “Ганс и Фриц”), в других – о неких рабочих из задачника по арифметике (новелла “Некто”), так или иначе, автор посредством героя-рассказчика (наблюдателя, восходящего к образу хроникера) создает вполне реалистичное представление о неполноценных людях, претендующих на полноценную жизнь. Бесспорным видится факт актуализации телесного кода в новеллистике С. Д. Кржижановского (автор разрабатывает ситуацию “расчленения”, “распадения” человека на части: оторвавшаяся кисть руки, самостоятельная жизнь черепной коробки, представление жизни героя посредством проникновения в его кровеносную систему, отделившиеся глаза метафизиков и многие другие примеры). Однако в данном случае речь идет о буквальном соотношении ущербности персонажа с физиологической точки зрения, с ущербностью его жизни.

Например, автобиографическая новелла “Квадратури́н” повествует о большой нужде и давней мечте, убившей героя, которому автор дает “говорящую” фамилию и называет ее сразу в начале новеллы. Исключительный случай в метатексте С. Д. Кржижановского: персонаж наделен фамилией, но лишен имени. Наличие фамилии может быть интерпретировано как обнаружение некой родовой преемственности, а вот отсутствие имени – как редукция самоидентификации. Тем самым автор отмечает сущностную ущербность личности своего персонажа (условно назовем процессом “расподобления”: постепенной потери индивидуального, человеческого, отраженного, прежде всего, на уровне имени). А фамилия как раз фиксирует факт уподобления литературного героя пространству (крошечному объему жилплощади). Поскольку площадь квартиры персонажа составляет “восемь с десятками” [6, 449], “комната спичечная коробка” (там же), автор эксплицирует привычное положение героя в своей квартире фиксацией предельной скованности, тесноты и, наконец, осанки героя – сутулости. Включая в фамилию персонажа обозначение его осанки, автор намекает не только на внешнее соответствие, но и на внутреннее – деформированное мироощущение. Данную распространенную черту героев С. Д. Кржижановского можно определить как буквализированную “зжатость”, “стесненность”, “сдавленность”, которые имплицитно раскрывают физическую и духовную несвободу персонажей.

Неполноценность Сутулина выражена автором не только на формальном уровне, но и на уровне метатекста. В новелле “Квадратури́н” фигурирует персонаж из другого текста (и даже другого сборника) “Некто”. Причем, как в первой новелле, повествующей о “квозном” литературном герое со следующими портретными

характеристиками: “длинном и сером, под цвет сумерек” [6, 449], так и в “Квадратурине”, автор последовательно знаменует деструктивное влияние Некто (таково имя “сквозного” персонажа). Обе новеллы сближаются и наличием страдающих ущербных, неполноценных литературных героев, которые не способны противостоять влиянию Некто и впоследствии теряют свою свободу и жизнь. Вследствие этого персонажи ощущают себя лишними, вытесненными, мертвыми, утратившими истинную ценность призраками. Автор разнообразно формирует ситуации, отражающие трансформацию несвободного героя-человека в героя-абстракцию. Таким образом, в типе персонажей повышенной художественной условности выделяется подтип персонажа – персонифицированной абстракции (Некто).

Несмотря на отсутствие очевидных антагонистов, литературные герои С. Д. Кржижановского не включены и не противопоставлены сообществу людей, а выглядят одиночками, борющимися с мировым хаосом. Последний зафиксирован и описан автором разнообразно, но любые разрушения в новеллистике С. Д. Кржижановского в первую очередь отражены в образах времени и пространства. Исследуя метатекст автора, нельзя не обратить внимание на такие образные характеристики хронотопа новеллиста как: “минус-пространство” (“минус-Москва”), “черные пустыни комнат”, “мириады миров” (мозг, глаз), “теснота жилпланетных площадей”, “щели мироздания”, “мир, в котором мили превратились в миллиметры”, “безвоздушная пустота”, “обездвиженный и обеззвученный мир”, “бациллы времени”, “рои Секунд”, “жало времени”, “содержание времени”, “пытки длинностями” и множество других. Проблемы времени и пространства метатекста Кржижановского рассмотрены в фундаментальном исследовании В. Н. Топорова “Минус”-пространство Сигизмунда Кржижановского [16].

Однако обратим внимание на проблему отношения литературного героя и пространства, качественную трансформацию последнего в новелле “Квадратурин”. Сюжет произведения предельно прост: благодаря подарку, сделанному Некто, Сутулин имеет необычайное средство “ращения комнат” – “Квадратурин”. Герой, следуя инструкции, использует средство и комната действительно “растет”. Но, как ни странно, Сутулин вовсе не рад многократному увеличению жилплощади. Возможное мнение соседей, комиссии “по перемеру” усиливают страх героя. В конечном итоге пространство комнаты от крошечного разрастается в пустыню, откуда герой не может найти выход.

Безусловно, очевидна авторская игра с пространством: его геометризацией, гетерогенностью, его объемом (от микро- до мега-), наполненностью (пустота). Выстраивается изобразительный ряд, отражающий трансформацию пространства в новелле “Квадратурин”: “своя, обжитая и теплая крохотуша” [6, 456] – “в квадрат возведенная квадратура” [6, 453] – “развороченная комната” – “давящий сверху гробовидный жилой короб” [6, 455] – “мертвая пустая казарма” [6, 456] – “четырёхугольная, ежесекундно растущая и расползающаяся тьма” [6, 459]. Как видим, по мере увеличения квартиры автор нагнетает семантику мертвящего, неорганизованного и, наконец, эсхатологического пространства дома. Параллельно с деконструкцией обжитого уютного и гармоничного пространства (“своя крохотуша”)

на мотивном уровне С. Д. Кржижановский отмечает острую лезвийную головную боль Сутулина, которая растёт по мере роста квартиры: *“Боль <...> утоньшилась и стала тягучей <...> едкая боль <...> продолжала вращать сверло <...> глубоко всверлившаяся боль <...> изострившаяся боль в виске”* [6, 454, 455, 456, 458]. Автор, наряду с деконструкцией внешнего пространства – квартиры Сутулина, – сопрягает деформацию “внутреннего пространства”, экспланированную усиливающейся и невыносимой головной болью героя. Данное соотношение выражено автором не только на уровне фамилии героя, но и охватывает все существование Сутулина. Герой теряет способность нормально мыслить, считает себя “зажатым” изнутри и потерявшимся снаружи, что и приводит его к дезориентации, дезинтеграции и гибели. Подобные параллели наблюдаются и в других новеллах автора (“Чуть-чуть”, “Четки”, “Дымчатый бокал”, “Пни”, “Бог умер” и др.). Тем самым, можно говорить о художественной стратегии С. Д. Кржижановского: изменения внешнего пространства жизнедеятельности героев всегда отрефлектированы в их внутреннем пространстве (разнообразно экспланированном).

Приходим к выводу, что вещи (нередко персонифицированные), предметы, шире – материальный мир выполняют деструктивную функцию в жизни их владельцев. Рассмотренная новелла (“Квадратури”) изображает отношения подчинения, доминирования и овладения пространства квартиры героем.

Интересно и то, что фактически все герои писателя, которые находятся “за гранью”, в прямом и переносном смысле “голодают”. Автор осмысливает состояние голода как острую “лезвийную боль” персонажей, выражающую на имплицитном уровне отсутствие полноценных человеческих отношений, основанных на общении (“внутренний голод”). Возможно, данная ситуация восходит к известному библейскому эсхатологическому знаку: *“Вот наступают дни <...> когда пошлю на землю голод, – не хлеба, не жажду воды, но жажду слышания слов <...>”* (Амос 8:11). Мотив духовного голода находим и в зарубежной литературе соответствующего переходного периода. Например, роман К. Гамсуна “Голод”, где в центре – повествование о голодном во всех отношениях человеке. Новелла Ф. Кафки “Голодарь” представляет метафору поэтики абсурда: цирковой номер – голодарь в клетке. Тем самым, находим общую для западного и русского литературного процесса тенденцию в осмыслении человека в ситуации катастрофического времени.

Как правило, литературные герои С. Д. Кржижановского, несмотря на очевидные достоинства и профессиональные способности, совершенно лишены адаптации к жизни, что выражено, их незанятостью и неумением обеспечить себя. В прошлом все они неудачники, и ящики их столов забиты “возврами” (неологизм С. Д. Кржижановского), непринятыми художественными произведениями, научными системами и теориями. Однако данное положение не лишает персонажей чувства собственного достоинства и даже попыток борьбы. Хотя последняя напоминает экзистенциальный бунт, все же героев автора можно назвать активно ищущими. Не случайно, писатели-философы, “думальщики” находятся в постоянном движении. Они буквально выхаживают свои мысли, а

впоследствии системы, схемы и произведения (графолог в новелле “Чуть-чуть”, писатель в тексте “Серый фетр”, писатель в “Книжной закладке” и др.). В качестве пространства для мышления-ходьбы литературные герои выбирают городское, реже – пригородное.

Иной вариант движения персонажей С. Д. Кржижановского разворачивается в пространстве ирреальном. Автор наделяет героев-писателей обостренными качествами: состояние постоянной напряженной рефлексии, буквально сверхчувствование процессов, происходящих в сердце, необычайное зрение (“сквозь” и др.), чуткий слух. То есть основные осязательные способности персонажей максимально заостряются автором, что позволяет им быть восприимчивыми к иным “невнятным мирам” и это не всегда благополучно завершается. Чаще всего в результате подобной гипертрофии происходят необратимые метаморфозы героев: превращение шахматного игрока Пемброка в шахматную фигуру – пешку; смерть Брука, которая при этом не распространяется на вещь героя – брюки. Наиболее успешный акт трансцендирования описан в новелле “Боковая ветка”, где представлена экспликация мира сна и странствия по нему героя Квантина. Но в контексте новеллистики С. Д. Кржижановского возможен и обратный вариант: представители иномира проникают в реальный литературным героям мир. В данном случае ситуация разрешается также трагично. Такие персонифицированные образы как “нежити”, “злыдни”, “Зачемжить”, “поэтому”, “Якобы”, “авоси” и “небоси”, “чуть-чуть” и “еле-ели”, “нитонисетины”, “итоисетины”, “как-нибудь” и др. формируют тип литературных героев повышенной художественной условности. Среди них – малейшие частицы, слова, принадлежащие к служебным частям речи. Приобретая черты одушевления и статус самостоятельных действующих героев, они замещают персонажей жизнеподобного типа (людей), с их помощью писатели, философы и другие герои оказываются вытесненными, но, утратив социализацию в своем пространстве, персонажи жизнеподобного типа не обретают ее в ином мире, а оказываются в ситуации “между” мирами (реальным и иномирием). Тем самым автор буквализирует переходную ситуацию “между двумя мирами”. Однако данное положение усложняется тем, что между мирами, по мысли С. Д. Кржижановского, существует “межмирье” или “щель”, то есть персонаж попадает в некое третье пространство, определенное как “щель” или “шов”, поэтому весь мир видится литературным героям как “растрескавшийся макрокосм”, куда вторгается хаос. Напомним, что существует две основные этимологические гипотезы: согласно одной – слово “хаос” означает “пустое пространство”; согласно другой – “пропасть, бездна” или еще конкретнее – “расщелина, щель” [15, 99]. В связи с буквальным переходом персонажа в пространство “между” мирами в его сознании возникает мысль о произошедшем конце, апокалипсисе, и литературный герой осознает себя мертвым, что и подтверждают тексты С. Д. Кржижановского “Проигранный игрок”, “Немая клавиатура”, “Автобиография трупа”.

Персонажи нетрадиционного типа с повышенной художественной условностью – презентанты многомира, персонифицированные и обретающие статус героев: антропоморфного ряда (кисть руки, пальцы и т.д.); вещи, предметы, объекты

материального мира, обретающие статус субъектов (брюки, книжная закладка и др.); представители иномирия (“нежити”, “злыдни” и т.п.); абстрактные понятия (Ничто, мысли и т.д.); служебные слова (якобы, “чуть-чуть”, “еле-ели”, “неты”, “ести”, поэтому и др.).

Литературные герои как жизнеподобного типа, так и персонажи с повышенной художественной условностью создают картину, во-первых, деконструкции целостной модели мира; во-вторых, наличия иномирия, “межмирья” и многомирия; в-третьих, соприсутствия “множественности миров” и их взаимопроникновения. Персонажи нежизнеподобного типа, выступающие в качестве самостоятельных, действующих героев, экспланируют модель мира (которая являет черты абсурда, где ирреальное обретает статус реального и подлинного) и структурируют модель сложного сознания человека переходного XX века (продуцирующего, в том числе и фантазмагорический модус). Доминантными становятся модели деконструкции и замещения. Основными приемами создания героев С. Д. Кржижановского являются: персонификация, замещение объектной сферы – субъектной, гротеск, одновременное обыгрывание прямых и переносных значений, буквализация метафор и метонимий, синекдоха и т.д.

Литература

1. Бирюкова Е. Е. Поэтика хронотопического парадокса в русской литературе 1920–1930-х годов (П. Романов и С. Кржижановский) : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.02.01. “Русская література” / Е. Е. Бирюкова. – Самара, 2006. – 20 с.
2. Буровцева Н. “Я известен своей неизвестностью”: Очерк жизни и творчества С. Д. Кржижановского / Н. Буровцева // Библиография. – М. – 1998. – № 2 – С. 91–98.
3. Гаспаров М. Л. Поэтика / М. Л. Гаспаров // Литературная энциклопедия терминов и понятий / [под ред. А. Н. Николюкина]. – М. : НПК : Интелвак, 2001. – С. 785–787.
4. Горошников В. В. Экзистенциальная проблематика прозы С. Кржижановского : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская література” / В. В. Горошников. – Ярославль, 2005. – 17 с.
5. Делекторская И. Б. Эстетические воззрения Сигизмунда Кржижановского (от шекспироведения к философии искусства) : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / И. Б. Делекторская. – М., 2000. – 15 с.
6. Кржижановский С. Д. Чужая тема / С. Д. Кржижановский // Собрание починений : [в 5 т.] / [сост., предисл. и комм. В. Перельмутера]. – СПб. : Симпозиум, 2001–2006. – Т. 1. – 687 с. ; Т. 2. – 701 с. ; Т. 3. – 673 с. ; Т. 4. – 848 с.
7. Ливская Е. В. Философско-эстетические искания в прозе С. Д. Кржижановского : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / Е. В. Ливская. – М. – 2009. – 22 с.
8. Лунина И. В. Художественный мир новелл С. Д. Кржижановского: человек, пространство, коммуникация : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 “Русская литература” / И. В. Лунина. – Красноярск. – 2007. – 19 с.
9. Мережинская А. Ю. Художественная парадигма переходной культурной эпохи. Русская проза 80–90-х годов XX-го века : [монография] / А. Ю. Мережинская. – К. : ИПЦ “Киевский університет”, 2001. – 433 с.
10. Мифы народов мира. Энциклопедия : [в 2 т.] / [гл. ред. С. А. Токарев]. – М. : Сов. энциклопедия, 1992. – Т. 1. – 671 с. ; Т. 2. – 719 с.
11. Моисеева Е. В. Художественный мир С. Кржижановского : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01. “Русская литература” / Е. В. Моисеева. – Екатеринбург, 2002. – 24 с.

12. Перельмутер В. Комментарии / В. Перельмутер // Кржижановский С. Д. Чужая тема. Собрание починений : [в 5 т.]. – СПб. : Симпозиум, 2001. – Т. 1. – С. 586–685.
13. Подина Л. В. Пространство время в художественном мире С. Кржижановского : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.01 "Русская литература" / Л. В. Подина. – Самара, 2002. – 26 с.
14. Сеницкая А. В. Пространственность и метафоричность сюжета (на материале произведений С. Кржижановского и К. Вагинова) : автореф. дисс. ... к. филол. н. : 10.01.08 / А. В. Сеницкая. – Самара, 2004. – 18 с.
15. Степанов Ю. С. Константы : Словарь русской культуры / Ю. С. Степанов. – 3-е изд., испр. и доп. – М. : Академический проект, 2004. – 992 с.
16. Топоров В. Н. "Минус"-пространство Сигизмунда Кржижановского // Топоров В. Н. Миф. Ритуал. Символ. Образ: Исследования в области мифопоэтического : Избранное. – М. : Издательская группа «Прогресс» – «Культура», 1995. – С. 476–575.

Анотація

Автор статті досліджує типи героїв новелістики С. Д. Кржижановського та виділяє життєподібний тип персонажів та героїв підвищеної художньої умовності. Досліджується шлях втрати життєподібними персонажами ідентичності, та їх трансформація або заміщення персонажами підвищеної художньої умовності. Доводиться реалізація С. Д. Кржижановським двох моделей: деконструкції та заміщення героїв, актуалізованих в перехідну епоху. Запропоновано умовну типологію персонажів письменника (тілесні образи, персоніфіковані речі, предмети, службові слова, представники інших художніх світів). Система персонажів підвищеної художньої умовності С. Д. Кржижановського уособлює модель заміщення.

Ключові слова: перехідна епоха, життєподібний тип, персонажі підвищеної художньої умовності, образ-супутник, модель деконструкції, модель заміщення, тілесний код, типологія персонажів.

Аннотация

Автор статьи исследует типы героев новеллистики С. Д. Кржижановского и выделяет жизнеподобный тип, а также героев повышенной художественной условности. Изучается путь потери жизнеподобными персонажами идентичности, и их трансформация или замещение персонажами повышенной художественной условности. Доказывается реализация С. Д. Кржижановским двух моделей: деконструкции и замещения героев, актуализированных в переходную эпоху. Предложена условная типологизация персонажей писателя (телесные образы, персонифицированные вещи, предметы, служебные слова, представители иномирия). Система персонажей повышенной художественной условности С. Д. Кржижановского воплощает модель замещения.

Ключевые слова: переходная эпоха, жизнеподобный тип, персонажи повышенной художественной условности, образ-спутник, модель деконструкции, модель замещения, телесный код, типология персонажей.

Summary

The author of the article investigates the specificity of characters in short stories by S. D. Krzizanovskiy and emphasize life-real heroes and heroes of high artistic conditionality. It is looking over the trajectory of losing life-real heroes their identity (losing names, work, home etc.) and their transformation or replacement by heroes of high artistic conditionality. Image-satellites are considered according to life-real heroes (insects). Such as poet and a fly (short story "Because"), philosopher and spider (short story "Spinoza and a spider"), philosopher and a worm, old man and rain worm ("Old man and a sea"), engineer and a frog – "Bridge through the Sticks", in latest short stories by S. D. Krzizanovskiy image of humanity and comity of rain worms etc. S. D. Krzizanovskiy also uses the heroes of high artistic conditionality such as bag, bottle, arm chair, coins, hat and a glass.

Keywords: transitive epoch, life-real heroes, heroes of high artistic conditionality, image-satellite, models of deconstruction, model of substitution, body's code, type of heroes.